

Д. А. Барин

Студенческие землячества императорского и советского университета*

Современная историография высшей школы обнаруживает тенденцию ставить искусственный тематический водораздел в виде событий 1917 г. Начало советской эпохи как бы перечеркивает все те процессы, которые происходили в имперской России, и заставляет обращаться исключительно к новым сюжетам, характерным для новой революционной эпохи. Эта тенденция коснулась и истории студенчества: ключевые работы по этой теме хронологически обрываются после Октябрьской революции или, наоборот, начинаются вместе с ней¹. На наш взгляд, такой подход в известной мере обедняет восприятие истории высшей школы, не дает оценить сохранившуюся инерцию в ее жизни. Во многом эта инерция коснулась студенчества и организаций, создаваемых учащимися вузов. В данной статье на примере Петербургского / Ленинградского университета мы рассмотрим деятельность самых старых и многочисленных организаций студенчества — землячеств. На их примере мы постараемся ответить на вопрос: сохранялись ли традиции дореволюционной высшей школы в первые десятилетия советской власти?

Именно столичный университет до революции являлся местом наиболее активного роста земляческих организаций. Престижность образования, широкие возможности для будущей карьеры привлекали в Санкт-Петербург студентов

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Студенческие организации Петербургского / Ленинградского университета в 1910-1920-х гг.» (№ 19-39-60005).

со всех концов страны. Однако платное обучение, дороговизна столичной жизни, необходимость поиска жилья ставила молодых людей в тяжелое материальное положение. Немного смягчить эти тяжелые условия могли студенческие землячества, которые за счет членских и благотворительных взносов могли оказать вспомоществование недостаточным студентам. Несмотря на актуальность такой помощи, землячества большую часть периода своего существования до революции провели в нелегальном или полунелегальном положении, приобретая законность только в последнее десятилетие перед революцией. Подобные организации ставили правительство перед дилеммой. С одной стороны, они удовлетворяли объективные нужды учащихся, с другой — ввиду неподконтрольности виделись потенциальным источником политического протеста. Последние подозрения были небезосновательными, о чем мы расскажем ниже. Но прежде кратко опишем основные вехи дореволюционной истории «земляков»².

Первые землячества в Санкт-Петербургском университете были отмечены в 1830–1840-х гг.³ Тогда же появились и первые национальные корпорации, которые часто выполняли функции земляческих объединений⁴. С этих пор и вплоть до 1907 г., несмотря на формальный запрет, они продолжали существовать с молчаливого разрешения властей, которые интересовались организациями только в связи с революционным движением. Долгое время такая связь (во всяком случае активная) не выявлялась, однако ситуация изменилась в 1886–1887 гг., после дела вторых первомайцев. Хорошо известно, что террористическая фракция партии «Народная воля» формировалась из актива земляческих организаций. Молодые люди, связанные совместной политической работой в провинции, поступали в столичные вузы, где продолжали поиск сторонников через существовавшую сеть землячеств. На середину 1880-х гг. наиболее представительными были волжское, пермское, донское землячества. Их актив в 1886 г. составил своеобразную «федерацию» под названием Союз землячеств, которая организовала ряд акций, в частности демонстрацию в память Н. А. Добролюбова. В конце 1886 г. из Союза выделилась террористическая фракция во главе с представителем волжского землячества А. И. Ульяновым, которая была раскрыта и разгромлена 1 марта 1887 г.⁵ Не осуществившееся покушение на Александра III привело к сворачиванию лояльного отношения к студенческим организациям. В частности, было закрыто легальное студенческое Научно-литературное общество (куда входили А. И. Ульянов и часть его сторонников), а землячества также оказались разгромленными. С тех пор вплоть до начала XX в. встречались лишь эпизодические всплески их активности, а о неполитической жизни землячеств конца 1880 — начала 1900-х гг. известно немного.

Долгожданная легализация студенческих обществ произошла в начале века под давлением активного протеста в высшей школе (общероссийских студенческих стачек 1899 и 1901 гг.). 22 декабря 1901 г. были приняты «Временные правила организации студенческих учреждений», однако и они не узаконили существования землячеств⁶. Виной всему была бюрократическая коллизия:

землячества просто отсутствовали в перечне допустимых организаций, хотя выполняемые ими функции признавались допустимыми. Было ли это сделано составителями правил намеренно — неизвестно, однако подобная законодательная лакуна привела к тому, что на протяжении нескольких лет землячества не были ни разрешены, ни запрещены.

Ситуация изменилась в годы первой русской революции, принесшей высшей школе широкие права автономии. Одним из проявлений правительственной либерализации в области просвещения стало принятие в феврале 1907 г. типового устава землячеств, выведшего, наконец, их из подполья. Это привело к активной подаче уставов на утверждение в Совет университета, на который возлагалась эта обязанность. Всего за 1907–1917 гг. было учреждено почти две сотни землячеств. Важно понимать, что типовой устав мало что менял в положении этих органов: фактически он явился попыткой хоть как-то упорядочить работу земляческих объединений. На деле принятое узаконение лишь в малой степени регулировало реальную жизнь «земляков», которые продолжали существовать согласно традициям, сформированным в предыдущие десятилетия. Приведем наиболее значимые расхождения устройства землячеств с «буквой закона». Во-первых, в ведении Совета находились землячества, действовавшие только в рамках университета, общегородские объединения должны были регистрироваться в Министерстве народного просвещения или Министерстве внутренних дел. Последний путь был излишне бюрократизирован, поэтому все землячества, по существу, регистрировались в университете. Во-вторых, типовой устав не предполагал создания национальных землячеств, которые тем не менее активно регистрировались. Среди них — эстонское, немецкое, латышское, таврическое (караимское), украинское и др. В-третьих, вопреки запретам «земляки» активно занимались общественной и просветительской деятельностью. С одной стороны, подобные отступления от правил могут показаться незначительными, однако с другой, они демонстрируют, что, даже находясь в легальном поле, землячества слабо поддавались контролю.

Главным следствием «неподконтрольности» землячеств стало их активное вовлечение в политический протест. Эстонское землячество связано с именами революционеров Я. Анвельта и Я. П. Ряппо⁷, уссурийское землячество с большевиками Л. М. Караханом⁸ и К. А. Сухановым⁹, харьковское с представителем Революционной украинской партии П. И. Зайцевым, грузинское землячество с Партией грузинских социалистов-федералистов¹⁰, в 1910 г. в донесении министру народного просвещения Л. А. Кассо отмечалось, что правление петербургского землячества состояло «почти исключительно из лиц, принадлежащих к РСДРП», и др.¹¹. Находилось место и коллективному действию земляков. Во время масштабных студенческих волнений на рубеже 1910–1911 гг. (связанных с кончиной Л. Н. Толстого и протестами против политики Л. А. Кассо) актив землячеств и других студенческих кружков участвовал в работе Коалиционного комитета, руководящего забастовкой. Позже было создано Правле-

ние землячеств Санкт-Петербургского университета, которое в январе 1911 г. выпустило прокламацию «К студенчеству», призывавшую к общестуденческой забастовке: «Поход, предпринятый реакционным правительством на высшие учебные заведения, вынуждает студенчество сказать свое “не могу молчать”»¹². Одной из репрессивных мер правительства стало временное запрещение работы любых студенческих организаций, кроме научных¹³.

Тем не менее значительная часть землячеств была занята своими прямыми обязательствами — оказанием материальной помощи. Студенческие взносы, деньги, собранные на благотворительных вечерах в Петербурге и провинции, являлись пусть и скромным, но значимым подспорьем для нуждающихся студентов. По оценке Е. А. Ростовцева, «экономический эффект от деятельности землячеств составлял к концу 1900-х гг. примерно 15% от общего объема помощи студенчеству. Иными словами, основную помощь студентам все же оказывали не самодеятельные организации, а те самые официальные структуры, с которыми студенчество конфликтовало»¹⁴.

***

Первое время после революции советская власть поддерживала некоторые демократические начинания в устройстве высшей школы, начатые при Временном правительстве. Так, студенчество, пусть и на короткий срок, получило широкую автономию. Низовыми органами самоуправления были выборные советы старост, представители которых входили в Центральный общестуденческий комитет (ЦОК), являвшийся своеобразным студенческим городским «правительством». И совет старост, и ЦОК имели собственный бюджет и широкий круг полномочий: организация экономической взаимопомощи, устройство общежитий, бань, санаториев, участие в работе Правления университетов и институтов (в качестве представителей). В условиях Гражданской войны ключевые посты в этих представительных органах заняли члены враждебных большевикам партий — эсеров, меньшевиков, кадетов и т. д., что привело к их скорому закрытию. Советы старост были ликвидированы в июле 1919 г., ЦОК в июне 1920 г.¹⁵

Закрытие этих организаций, отвечавших за материальное вспомоществование, очевидно, возродило актуальность земляческих организаций. Современник событий, выходец из г. Дмитрова Е. А. Рыбальченко писал о положении провинциальной молодежи в Петрограде в те годы. Он вместе с земляками работал в 1919 г. на патронном заводе. Там они создали «Рабочий технический учебный городок им. III Интернационала» (Ратугитри). Туда он и пошел учиться. Заработной платы почти не платили, паек был мизерный, «чтобы прокормить себя, ребята делали деревянные санки и каждый вечер стали выезжать на вокзал — возить багажи пассажиров, пользуясь тем, кто сколько даст». После годичного пребывания на фронте он вместе с товарищами в 1920–1921 гг. вернулся в Петроград, чтобы получить высшее образование. Однако

они столкнулись не только с материальными трудностями, но и с жилищным вопросом. Приезжие из Дмитрова, поступив в университет / институт, искали знакомых — и так студенты из одного города объединялись в землячества. На найденных квартирах организовывалось подобие пансионата¹⁶.

Эти воспоминания — яркая иллюстрация того, что стихийная потребность в земляческой поддержке для студентов никуда не исчезала. В марте 1922 г. на одной из студенческих сходов прозвучал призыв создавать не только новые органы самоуправления, но активно пользоваться старыми формами, в том числе землячествами¹⁷. Однако с организационной точки зрения все было не так просто. Даже пользовавшиеся известной самостоятельностью старосты и ЦОК были организационно связаны с Наркомпросом и не в полной мере независимы, так что и «земляки» не могли рассчитывать на какие-либо послабления. Поэтому, как и долгое время до революции, земляческие организации формально не были разрешены, но на факт их существования просто закрывали глаза.

Как же решался вопрос полулегального существования «земляков»? В самом начале 1920-х гг., не имея никаких руководств к действию, землячества подавали прошения на разрешение в отдел народного образования Губисполкома. Однако в феврале 1922 г. на основе доклада председателя отдела профессионального образования (при Губисполкоме) А. А. Сотникова его президиум высказался категорически против организации землячеств и постановил довести сведения об этом решении ректорам всех вузов¹⁸. Вероятно, оно носило характер настоятельной рекомендации, так как разъяснений от вышестоящих органов не последовало. Такое положение продолжалось вплоть до декабря 1922 г., когда в губком поступило специальное разъяснение от Бюро коммунистического студенчества при ЦК РКП(б), признававшее допустимым существование землячеств. Это же письмо содержало и некоторые директивы: партийные комитеты обязывались следить за беспартийным студенчеством и создавать коммунистические фракции в землячествах; принимать меры к мобилизации из «местных бюджетов средств для учреждений стипендий в вузах»¹⁹. Характерно, что, как и в дореволюционный период, окончательная легализация землячеств сильно затянулась, поскольку их одобрение еще не означало создания соответствующей юридической основы для их существования. В феврале Профбюро просило Губисполком прислать типовой устав, полученный из ЦК, ввиду постоянно поступающих просьб утвердить землячество²⁰.

Необходимое «Положение о студенческих землячествах Петрограда» было утверждено Президиумом Губисполкома (именно он, а не ЦК в итоге разработал этот документ) 19 мая 1923 г., а 20 июня 1924 г. просмотрено и утверждено Административным отделом Ленинградского губисполкома, т. е. с момента официального одобрения этого типа студенческой организации прошло почти полтора года.

Остановимся подробнее на содержании этого положения. В отличие от имперского периода, землячества советского эпохи имели право объединять сту-

дентов как минимум в масштабе губернии. Руководило землячеством правление — в его состав, кроме троих избранных членов, входили и представитель Комиссии по улучшению студенческого быта, и представитель губисполкома соответствующей губернии. Последние выполняли надзирательную функцию, имели полномочия роспуска землячества, могли оспаривать решения студенческих организаций в Петроградском губисполкоме, решения которого пересмотру не подлежали. Регулировался также состав землячеств: вступить в него могли только члены профсекций и отказывалось в таком праве «студентам, лишенным избирательных прав согласно конституции РСФСР»; в правление обязательно должны входить партийцы. За землячествами сохранялись все права на оказание экономического вспомоществования студентам, они имели право предоставлять свои предложения стипендиальным комиссиям вузов и давать им рекомендации по кандидатурам. Для регистрации землячкам было достаточно подать прошение от 10 студентов и ходатайство от провинциального губисполкома²¹. Впоследствии за учреждение землячеств стало отвечать Бюро пролетарского студенчества при Губкоме, которое занималось также и их ревизией²².

Очевидно, что советское государство не испытывало никакого желания предоставлять возможность самоорганизации для беспартийного студенчества, однако потребность учащихся во взаимной поддержке оказалась сильнее политических мотивов. Именно поэтому землячества, с одной стороны, были признаны легитимными, а с другой, ощущали на себе требования партийного ценза.

В отличие от дореволюционных порядков, в советской высшей школе так и не был принят типовой устав, поэтому все учредительные документы составлялись в относительно вольной форме. Как правило, такие уставы имели нечто вроде лирических вступлений, которые позволяют составить представление о мотивах создания землячеств. Череповецкое землячество просило легализовать свое положение, полагая, что существовать в подполье неправильно. Просители заверяли, что правление находится в руках коммунистов и «ведется твердая линия в сторону обеспечения пролетарского студенчества»²³. Краснохолмское землячество выражалось в меньшем соответствии с партийной линией: «Жизнь поставила студентов в тяжелые условия существования. Оторванное от родины и предоставленное самому себе студенчество переносит лишения, которые не имели места при жизни в пределах родины»²⁴. Бежецкое землячество, помимо обязательного ценза, связанного с членством в профсекциях, запрещало принимать в члены лиц, «заведомо порочащих честь землячества»²⁵.

Характерно, что, как и до революции, существовавшие узаконения в реальности мало регулировали деятельность землячеств. Так, несмотря на то что это не было оговорено в Положении, ряд землячеств в подаваемых уставах также претендовал и на устройство культурно-просветительской деятельности, открытие клубов, библиотек и т. д. Не была предусмотрена и существовавшая практика помощи провинциальным школам (учебные материалы

и подарки)²⁶. Вопреки правилам существовали национальные землячества. Деятельность последних была урегулирована только в 1927 г., когда их передали в ведение губернского Бюро пролетарского студенчества (предполагалось введение единой формы членской книжки и установление размеров членских взносов)²⁷.

Существующие источники не позволяют оценить примерное количество землячеств в 1920-х гг. Имеются конкретные данные только относительно национальных землячеств, их было 14: татарское, башкирское, крымское, чувашское, калмыцкое, белорусское, северокавказское, украинское, карельское, немецкое, якутское, вотское. Все они занимались не только экономической помощью, но и организацией благотворительных вечеров и концертов, краеведческими исследованиями. Собрания в землячествах велись на национальных языках²⁸. Примерное количество участников одного землячества колебалось от 100 до 400.

Важно оценить, каковым в действительности было влияние партии на состав землячеств. Имеющиеся данные дают возможность для осторожных оценок. Согласно нашим подсчетам, в землячествах около 20% состояло членами и кандидатами в партии или ВЛКСМ²⁹. При таком явном перекосе в сторону беспартийного студенчества предписание ЦК РКП(б), направленное на то, «чтобы материальная помощь через землячества оказывалась исключительно пролетарским и коммунистическим элементам», вряд ли могло быть воплощено в жизнь. Тем не менее правление многих землячеств вполне оправдывало доверие партийных органов в деле коммунистического влияния. Например, на общем собрании череповецкого землячества был прочитан доклад «Коминтерн и Ленин», при этом собравшиеся постановили идти по «ленинскому пути за международное единство рабочего класса»³⁰. Экономическая помощь, оказываемая землякам, была довольно существенной. Так, в Закавказском землячестве половина всех членов получала помощь от пожертвований, собранных на родине³¹.

Несмотря на проявление лояльности отдельных землячеств, они все же рассматривались как чуждые организации, «пережитки старины», связанные прежде всего с традициями старого студенчества. На страницах студенческой печати отмечалось, что «во время революции и гражданской войны студенчество, танцевавшее на земляческих вечеринках и никогда раньше не думавшее о политике, выступило как сила, враждебная пролетариату». Решение проблемы этой «внеклассовой» и «обывательской» организации виделось во включении в ее состав «не “демократов обывателей”, мелкобуржуазных патриотов своей губернии, а наших товарищей пролетариев, которые сумеют принести нам пользу»³². Схожие подозрения относительно землячеств разделял и Губисполком, который советовал землячествам не препятствовать, но и не проявлять инициативы в их развитии, склоняя студентов пользоваться кассой взаимопомощи при профкомах, при этом поощрять внедрение коммунистического влияния³³.

Негативное отношение к землячествам со стороны властей, а также укрепление касс взаимопомощи и Бюро пролетарского студенчества, которые работали гораздо стабильнее и пользовались большей поддержкой партии, создали крайне неблагоприятные условия для земляков. Обнаружить прямое распоряжение о закрытии или запрещении землячеств, к сожалению, нам не удалось, однако в конце 1920-х гг. упоминания о них исчезают из архивных документов и периодической печати. Вероятно, именно этот период можно считать временем исчезновения этого традиционного органа студенческой взаимопомощи.

***

История студенческих землячеств в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде растянулась почти на столетие — с 1830-х по 1920-е гг. Несмотря на различия многих эпох, через которые прошла эта форма студенческого самоуправления, ей приходилось сталкиваться во многом с одними и теми же проблемами как до, так и после революции. Ни имперские, ни советские власти не испытывали доверия к землячествам. Эти органы низовой инициативы были слишком самостоятельными, слабо поддавались надзору и бюрократизации и потому не могли стать послушной опорой государства или университетских властей в студенческой среде. Вопреки всем нормативным документам, земляки не ограничивались исключительно экономической деятельностью и активно втягивались в просветительскую и общественно-политическую жизнь страны. Как в царской, так и в Советской России землячества воспринимались как потенциальный источник протеста, как удобная структура для выстраивания политических связей. И если революционная деятельность землячеств до 1917 г. изучена, то их контрреволюционная работа в советский период на настоящий момент не вполне очевидна. Вероятно, большевиков пугала прежде всего концентрация беспартийного студенчества, которая могла вылиться в политический активизм.

Нельзя не отметить, что, несмотря на чинимые правительством препятствия, землячества оказались достаточно «живучим» органом, который функционировал вопреки любым запретам. Очевидно, причиной этому являлась объективно существовавшая потребность в моральной и материальной поддержке огромных масс студенчества, перебивавшихся в Петроград из провинции. Это осознавало и правительство, фактически закрывавшее глаза на их работу, если она не была связана с протестом. Поэтому легализация землячеств в 1907 и 1922 гг. не создавала, а только формализовала уже действовавшие организации. При этом никакие уставы, положения и рекомендации не мешали студентам вести работу землячеств по своему усмотрению.

В 1920-х гг. ситуация резко изменилась. С одной стороны, после конфликтов с советом старост и ЦОКом советское правительство значительно строже относилось к столь независимым студенческим органам, с другой, активно развивались другие способы помощи студенчеству — пособия, стипендии,

средства, выделяемые кассой взаимопомощи и пролетстудом. Совокупность этих факторов привела к тому, что в конце 1920-х гг. почти вековая традиция студенческих землячеств прервалась.

- ¹ Среди редких исключений см.: *Марков А. П.* Студенчество Петрограда в 1914–1925 годах: социально-психологический облик: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Копесны Р.* Builders and deserters: students, state, and community in Leningrad, 1917–1941. Montreal, 1999.
- ² См. подробнее: *Баринов Д. А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 64–145.
- ³ *Кузнецова К. С.* Из истории университетского быта: Студенческие корпорации и землячества 1830–1840-х годов // *Ante annum*. Сб. науч. работ студентов и аспирантов исторического факультета. Петрозаводск, 2004. Вып. 2. С. 67–81.
- ⁴ *Жуковская Т. Н., Казакова К. С.* Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М., 2018. С. 288–318.
- ⁵ *Баринов Д. А.* Студенческие землячества Санкт-Петербургского университета в период подполья (1884–1906 гг.) // *Клио*. 2015. № 10. С. 93–100.
- ⁶ Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения. СПб., 1901.
- ⁷ *Баринов Д. А.* Землячества Петербургского (Петроградского) университета: от Революции к Мировой войне // *Клио*. 2016. № 8 (116). С. 34.
- ⁸ *Соколов В. В.* На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л. М. Карахана. М., 1983. С. 12.
- ⁹ *Левцкий В. Л. К.* Суханов — председатель первого Владивостокского совета. Владивосток, 1956. С. 21.
- ¹⁰ *Гогридзе М.* Грузины в Петербурге. Тбилиси, 1976. С. 252.
- ¹¹ [Донесение министру Л. А. Кассо] // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 357. Л. 1.
- ¹² Воззвание «К студенчеству» от правления землячеств в 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10294. Л. 140.
- ¹³ О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // *ЖМНП*. 1911. № 3–4. Правительственные распоряжения. С. 41–43.
- ¹⁴ *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 297–298.
- ¹⁵ См. подробнее: *Баринов Д. А.* «...и Церетели, и Ленин, и Чхеидзе»: Петроградский центральный общестуденческий комитет (1918–1921 гг.) // *Вопросы истории*. 2020. № 7. С. 171–181.
- ¹⁶ *Рыбальченко Е. А.* Воспоминания о студенческом землячестве дмитровцев в Петрограде // ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 886. Л. 3–4, 12.
- ¹⁷ *Кривоноженко А. Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 224.
- ¹⁸ Выписка из протокола 6-го заседания Президиума Петропрофобра от 13 февраля 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 12. Л. 5.
- ¹⁹ ЦК РКП(б) — Петроградскому губкому. 9 декабря 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-9. Д. 9300. Л. 3.
- ²⁰ В орготдел губкома. 2 февраля 1923 г. // ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 281. Л. 24.

- ²¹ Положение о студенческих землячествах Петрограда // ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 185. Л. 72.
- ²² Протокол № 2 заседания губбюро пролетстуда от 23 февраля 1926 г. // ЦГА СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 1238. Л. 16.
- ²³ Прошение в отдел управления Петругбисполкома // ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 52. Л. 1.
- ²⁴ Устав Краснохолмского студенческого «землячества» Петроградских высших учебных заведений // ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 12. Л. 3.
- ²⁵ Устав Бежецкого землячества // ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 298. Л. 3.
- ²⁶ *Ерилов Н.* Землячество на помощь деревне // Красная молодежь. 1925. № 3–4. С. 148.
- ²⁷ Хроника // Красное студенчество. 1927. № 6 (март). С. 63.
- ²⁸ *Гадьльшин Х.* Национальные землячества Ленинграда // Красное студенчество. 1927. № 9. С. 71–72.
- ²⁹ ЦК РКП(б) – Петроградскому губкому. 9 декабря 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-9. Д. 9300. Л. 3.
- ³⁰ Протокол общего собрания членов Череповецкого землячества от 9 марта 1924 г. // ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 106. Д. 581. Л. 25.
- ³¹ Протокол № 20 заседания губбюро пролетстуда от 18 мая 1926 г. // ЦГА СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 1238. Л. 30.
- ³² *Перимов А.* К вопросу о форме организации студенчества // Красный студент. 1923. № 4. С. 34–35.
- ³³ О студенческих землячествах в вузах [Постановление Оргкома Губкома от 9 марта 1923 г.] // ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 281. Л. 72.

REFERENCES

- BARINOV D. A. “...i Tsereteli, i Lenin, i Chkheidze”: *Petrogradskiy tsentral'nyy obshchestvencheskiy komitet (1918–1921 gg.)* [“...and Tsereteli, and Lenin, and Chkheidze”: Petrograd Central General Student Committee (1918–1921). In Russ.] // *Voprosy istorii*. 2020. No. 7. P. 171–181.
- BARINOV D. A. *Etnokonfessional'nyye i regional'nyye organizatsii studenchestva Sankt-Peterburgskogo universiteta (1884–1917 gg.)* [Ethno-confessional and regional student organizations of St. Petersburg University (1884–1917). In Russ]: Diss. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg: SPSU, 2015.
- BARINOV D. A. *Studencheskiye zemlyachestva Sankt-Peterburgskogo universiteta v period podpol'ya (1884–1906 gg.)* [Student fraternities of St. Petersburg University during the period of the underground (1884–1906). In Russ.] // *Klio*. 2015. No. 10. P. 93–100.
- BARINOV D. A. *Zemlyachestva Peterburgskogo (Petrogradskogo) universiteta: ot Revolyutsii k Mirovoy voynе* [Compatriots of St. Petersburg (Petrograd) University: from Revolution to World War. In Russ.] // *Klio*. 2016. No. 8 (116). P. 30–39.
- GADYL'SHIN Kh. *Natsional'nyye zemlyachestva Leningrada* [National community of Leningrad. In Russ.] // *Krasnoye studenchestvo*. 1927. No. 9. P. 71–72.
- GOGRIDZE M. *Gruziny v Peterburge* [Georgians in St. Petersburg. In Russ.]. Tbilisi, 1976.
- Khronika* [Chronicle. In Russ.] // *Krasnoye studenchestvo*. 1927. No. 6 (March). P. 63.
- KONECNY P. *Builders and deserters: students, state, and community in Leningrad, 1917–1941*. Montreal, 1999.
- KRIVONOZHENKO A. F. *Petrogradskiy universitet v 1917–1922 gg.* [Petrograd University in 1917–1922. In Russ]: Diss. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2014.
- KUZNETSOVA K. S. *Iz istorii universitetskogo byta: Studencheskiye korporatsii i zemlyachestva 1830–1840-s* [From the history of university life: Student corporations and communities of the 1830s–1840s. In Russ.] // *Ante annum*. Sb. nauch. rabot studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta. Petrozavodsk, 2004. Vol. 2. P. 67–81.
- LEVITSKIY V. L. K. *Sukhanov – predsedatel' pervogo Vladivostokskogo soveta* [K. Sukhanov – Chairman of the first Vladivostok Soviet]. Vladivostok, 1956.

MARKOV A. R. *Studenchestvo Petrograda v 1914–1925 godakh: sotsial'no-psikhologicheskii oblik* [Students of Petrograd in 1914–1925: socio-psychological appearance]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 1997.

PERIMOV A. *K voprosu o forme organizatsii studenchestva* [On the question of the form of student organization. In Russ.] // *Krasnyi student*. 1923. No. 4. P. 34–35.

ROSTOVTSEV Ye. A. *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoye sosloviye, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Metropolitan University of the Russian Empire: Academic Estate, Society and Power (second half of the 19th — early 20th century). In Russ.]. Moscow, 2017.

SOKOLOV V. V. *Na boyevykh postakh diplomaticheskogo fronta. Zhizn' i deyatelnost' L. M. Karakhana* [At the combat posts of the diplomatic front. Life and work of L. M. Karakhan. In Russ.]. Moscow, 1983.

YERILOV N. *Zemlyachestvo na pomoshch' derevne* [Fraternities helping the village] // *Krasnaya molodezh'*. 1925. No. 3–4. P. 148.

ZHUKOVSKAYA T. N., KAZAKOVA K. S. *Anima universitatis: studenchestvo Peterburgskogo universiteta v pervoy polovine XIX veka* [Anima universitatis: students of St. Petersburg University in the first half of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2018.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. А. Баринов. Студенческие землячества императорского и советского университета // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 70–81

Аннотация: Для историографии высшей школы часто характерен водораздел в виде событий 1917 г. Смена социального и политического укладов в действительности открыла новую эру в истории отечественного высшего образования. Однако при таком подходе часто забывается, что влияние коренных перемен в первые десятилетия советской власти испытывали на себе люди, сформировавшиеся в старой, дореволюционной традиции. Такое положение в полной мере характерно и для высшей школы, сохранявшей на протяжении 1920-х гг. инерцию своего существования при старом режиме. Прежде всего эта инерция прослеживается в формах организации студенческого самоуправления. Главным и старейшим органом экономической взаимопомощи в среде студенчества были землячества. Начиная с первой половины XIX в. они оказывали активную материальную поддержку приезжему студенчеству. В настоящей статье на примере Санкт-Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета мы проследим историю землячеств, определим особенности их законодательного положения, связи с политическими движениями. Проведенный анализ позволил автору прийти к выводу о том, что и в царский, и в советский период землячества сталкивались во многом со схожими проблемами. Являясь органами низовой инициативы, они слабо поддавались контролю, бюрократизации, их деятельность мало совпала с существующими законодательными положениями. А самое главное, «землячки» рассматривались как участники возможного протеста. Поэтому в советский период, во время ужесточения политического контроля, землячества оказались обречены на закрытие, так как представлялись новой власти местом концентрации беспартийного, т. е. потенциально враждебного студенчества.

Ключевые слова: землячества, студенческое движение, Санкт-Петербургский университет, высшая школа, революционное движение.

FOR CITATION

D. A. Barinov. Student fraternities of the Imperial and Soviet university // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 70–81

Abstract: The historiography of higher education is often characterized by a watershed presented by the events of 1917. The change in social and political structures opened a new era in the history of Russian higher education. However, with such an approach, it is often forgotten that the changes of the first decades of Soviet power were experienced by people formed in the old, pre-revolutionary tradition. This situation is typical as well for higher education, where the inertia of its existence under the old regime was preserved throughout

the 1920s. First of all, this inertia can be traced in the forms of organization of student self-government. The main and senior body of mutual economic assistance among the students was the fraternities. Initially, from the first half of the 19th century, they provided active material support to the out-of-town students. In this article, using the example of St. Petersburg / Petrograd / Leningrad University we will trace the history of fraternities, define the features of their legislative status, connections with political movements. The analysis allowed the author to come to the conclusion that both in the Tsarist and in the Soviet period, the fraternities in many aspects faced similar problems. Being organs of grassroots initiative, they were weakly amenable to control, bureaucratization, their activities did not coincide much with the existing legislative provisions. And most importantly, they were considered to be bodies of possible protest. Therefore, in the Soviet period, during the tightening of political control, such organizations were doomed to be closed, as they seemed to be a place of concentration of non-party people, i. e. a potentially hostile studentship.

Key words: fraternities, student movement, St. Petersburg University, higher school, revolutionary movement.

Автор: **Баринов, Дмитрий Андреевич** — к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Barinov, Dmitriy Andreevich** — PhD, researcher at Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: barinovdima1990@yandex.ru

ORCID0000-0003-3592-8557